

Дневник потерянного года

Дана Обава

18+

Дана Обава

Дневник потерянного года

«Автор»

2026

Обава Д.

Дневник потерянного года / Д. Обава — «Автор», 2026

Монстры, порождённые фантазией одинокого ребёнка, становятся реальным кошмаром для взрослых людей. Но настоящей угрозой оказывается сам страх, а не то, что этот страх вызывает. Наташа внезапно теряет любимого мужа и пытается сбежать от мрачного настоящего в небольшой посёлок ради уединения и покоя. Но этот тихий омут оказывается полон чудовищ, стремящихся погубить её рассудок. У женщины остаётся слишком мало сил для борьбы, но у неё по-прежнему есть её маленькая верная собачка и лучшая подруга, ради которых она продолжает бороться.

Содержание

Глава 1. Шиповник.	5
Глава 2. Иллюзия.	10
Глава 3. Зараза.	13
Глава 4. Очки.	19
Глава 5. Фантом.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дана Обава

Дневник потерянного года

Глава 1. Шиповник.

Забегая вперед Внезапный обрывок воспоминания:

За моей спиной стоит жар, невыносимый и угрожающий. Немыслимо даже обернуться, не то что войти в него по своей воле. Дым разъедает легкие и заставляет слезиться глаза. В треске пожара слышатся страдания умирающего дома. Инстинкт самосохранения требует немедленно бежать от него прочь, туда, где весна и прохлада, голубое небо и распускаются почки на деревьях, а из-под земли появляется молодая трава весёлого салатого цвета. Все вокруг начинает новый жизненный цикл и пахнет свежестью, но позади меня чёрное пятно смрадной смерти. Я бы убежала от него, но вид направленного на меня пистолета заставляет оставаться на месте.

Сейчас...

Прошлой весной умер мой муж. Остановилось сердце в сорок два года. Он был слишком уж молод для такого, так что меня это сначала удивило, а только потом раздавило.

Мы успели прожить с мужем шесть лет, и, если б я даже знала, что все закончится так быстро, то не стала бы ничего менять в нашей совместной жизни. Она и так была полна любви и дорогих сердцу моментов. Сердцу. Может быть, если бы он меньше работал, его сердце продержалось бы дольше? Может быть, сейчас где-то там, где находится его душа, он ненавидит нас всех за то, что так мало прожил на свете, не щадя и отдавая всего себя нам?

Когда мы ехали на кладбище, в салоне с гробом, мне на полном серьёзе казалось, что он еще там внутри – его дух, я имею в виду. Да, он не жив, но все еще близко. Причем, напуган и шокирован не меньше моего. В темном ящике, где нечем дышать и невозможно развернуться. Я хотела распахнуть гроб прямо в машине, только меня остановили.

Но свой рассказ о произошедшем я начну с осени, поскольку первые полгода после смерти любимого я пробыла в траурном тумане и, отгородившись от всех и вся, не делала ничего, что стоило бы записать. Весь бардак начался позже, с сентября. Писать буду без конкретных дат, поскольку я их просто уже не помню.

Я звала мужа Тошик, а его первая жена, с которой у него дочка, – Тони. Для дочки он изначально и взял в ипотеку квартиру, в которой мы с ним жили. Так что сейчас я переезжаю, а квартиру его бывшая будет сдавать, чтобы покрыть платеж за ипотеку и, самое главное, чтобы хотя бы частично восполнить те деньги, что муж давал на содержание ребенка.

У меня есть свой домик в поселке Долгое, откуда очень удобно добираться до Москвы. Хотя с моей удалённой работой переводчиком, в принципе, последнее не так важно. Дом с небольшим участком. Я купила его на все свои сбережения незадолго до нашей с Тошей свадьбы, и за все шесть лет мы считанное число раз выезжали сюда на выходные. Теперь я собираюсь остаться здесь навсегда. Не совсем одна – мне помогает подруга Олеся, и она составит мне компанию на пару дней.

Остатки вещей, которые надо перевезти из квартиры, уместились на заднем сидении, а багажник мы забили продуктами из супермаркета. Я прихватила побольше еды и всего необходимого, чтобы как можно дольше безвылазно просидеть дома. В последнее время мне тяжело смотреть на людей: как они продолжают жить и заниматься своими странными делами, которые не имеют никакого значения перед вечностью. Казалось бы, все вокруг, даже птицы и крапива у забора, должны замереть, ощущая ту же глубокую пустоту, что и я. Конечно же, ничего подоб-

ного не происходит, и это раздражает, хоть это и неправильно, конечно, чувствовать злость на весь мир из-за того, что он недостаточно участлив к моей личной трагедии. Кроме Олеси. На неё я не могу сердиться, но её все равно придется именно терпеть.

Подруга очень многое для меня делает. Она не выражает сочувствие словесно, не заглядывает тревожно в глаза и, может быть, вообще слегка игнорирует эту проклятую действительность, но всё же я вижу, как она старается взять на себя мои заботы. Не утешение, ни подбадривание мне не нужно, но я бы, наверное, просто физически со всем не справилась, если бы не она. И мне самой неприятно, что приходится терпеть ее присутствие. Я должна бы чувствовать лишь глубокую благодарность.

Мы открываем ворота и заезжаем на мой участок, подъехав почти к самому крыльцу дома.

— Давненько я тут не была, — говорит Олеся, выйдя из машины. Она окидывает взглядом небольшой садик, где всё разрослось, как попало, и едва можно пройти по узкой выложенной плиткой дорожке к деревянной беседке.

— Ну вот, как-то так, — проговариваю я, встав рядом с ней и с Вишней на руках. Вишня – моя маленькая помощница породы йоркширский терьер.

Наступившая осень по-своему прибралась на моем запущенном кусочке земли. Травы пожухли, деревья и кустарники переоделись в яркие тона. Где-то в этих зарослях у меня, помнится, была жимолость и кизильник, а вон у дорожки любимая форзиция. Шиповник на заднем плане отгораживает нас от соседей. Я даже не знаю, кто они, но истово надеюсь не увидеть их в ближайшем будущем.

— Погода какая хорошая! – восторгается Олеся вполне оправданно. – Наташ, давай пообедаем в беседке, а?

На улице действительно тепло и солнечно, так что небольшое квадратное строение в углу участка с остроконечной крышей, поддерживаемой деревянными столбиками, выглядит заманчиво. Не для меня, конечно. Мне все равно, где есть. Хоть на вонючей помойке с крысами. Я вообще не вижу смысла поддерживать свою жизнь едой, просто так принято, так нужно. Мне нельзя эгоистично лечь и тихо сдохнуть, глядя в потолок. Обязательно рядом образуется круговорот из чужих благих намерений и переживаний, он непременно подхватит и утопит в обязательствах и бессмысленных планах.

— Давай, — безразлично киваю я. Медленно закрываю ворота, опускаю Вишню на землю и, вытащив несколько пакетов из багажника, иду в дом.

Что-то неприятно щекочет мне нервы, как только я отпираю первую дверь и прохожу через сени, где скидываю уличную обувь. Что-то неуловимо не так. Я, конечно, не помню все досконально, что мы и где оставляли, но у меня стойкое впечатление, как будто в доме без нас кто-то был. Чужой! Ощущается, как изменившийся запах дома или чужеродное вторжение в его ауру. Возле второй двери, которая ведет в жилые помещения, я снова перебрасываю пакеты в одну руку и хватаюсь за палку, с которой мы с Тошиком гуляли возле местного болотца.

— Ты чего? – интересуется Олеся, тоже с пакетами в руках.

— По-моему, здесь кто-то есть или был, — шепчу я, оборачиваясь через плечо.

— Да ладно! – выдыхает подруга, на мой взгляд, слишком громко. – С чего ты взяла? Что-то не так с замком?

— Нет, вроде с замком порядок. Сама не знаю, — отворяю дверь и, опустив пакеты на пол, прохожу на цыпочках по коридору, заглядывая в комнаты. На первый взгляд никого, но пахнет вторжением и по спине бегут мурашки. Так что я не унимаюсь. Поднимаюсь в мансарду, выставив палку перед собой, словно копьё. Вряд ли она мне как-то поможет, но с ней спокойнее. Наверху тоже ни души, да и ощущение чуждого присутствия рассеялось. Далеко не прохожу, все и так ясно.

Спускаясь обратно по лестнице, вижу, как по коридору семенит Вишня. Вот сейчас она мне скажет, был ли тут кто-нибудь или у меня уже крыша едет. Собачка смело мельтешит там-сям и, вернувшись, садится на мой тапочек.

— Вот, видишь, твой миницербер считает, что все в порядке! – резюмирует Олеся и спокойно проходит с продуктами на кухню. Там она сразу начинает деловито шуршать пакетами, а я все стою посреди дома, возбужденно оглядываясь и не нахожу ничего, что говорило бы в пользу моей гипотезы. Но все равно не могу от нее отказаться. Представляю, как кто-то чужой ходил здесь и трогал мои вещи, и меня подташнивает от этого. Аккуратно стряхиваю Вишенку с тапочка и захожу в спальню, вспоминая, что в последний раз забыла здесь свою золотую цепочку с подвеской-чайкой, которую мне дарил Тоша. Вот здесь, на комод, она должна была бы лежать, но ее нет, и слой пыли ровный.

— Где ты там?! – зовет Олеся из кухни.

Быстро иду к ней.

— Здесь точно кто-то был! – говорю я, внезапно охрипшим голосом. – Моя цепочка с чайкой пропала! Я забыла ее здесь! Уже год, наверное, прошел, но я помню!

— А когда ты сюда с коробками приезжала, она была? – хмурится Олеся.

— Не знаю, я не посмотрела. Тогда просто весь мой хлам свалили в кабинете и все! Мне не до цепочки было.

— Нет, погоди-ка, — качает головой подруга. – Ничего ты нигде не забывала! Не помнишь что ли? Это ты мне ее дала поносить. Когда Костя в наш юбилей меня на яхту праздновать пригласил!

— Точно, было дело, — теперь хмурюсь я. – Разве ты мне ее потом обратно не отдала? Должна была отдать. Она обычно вещи не задерживает.

— Не отдала, кажется, — Олеся беспечно пожимает плечами и снова принимается выкладывать продукты из пакетов на стол. – Не волнуйся, вернусь к себе, найду твою цепочку!

Продолжая мысленно копаться в своих воспоминаниях, притаскиваю остальные пакеты из машины и как попало закидываю еду в холодильник, который Олеся уже подключила. А хлеб-то мы забыли купить.

— Может, мы без хлеба обойдемся? – спрашиваю я. Не пошел бы он, этот хлеб?

— А как же бутеры с хумусом? – расстраивается Олеся и корчит расстроенную мордочку, так что я иду в магазинчик на соседней улице, чтобы купить батон.

Хлеб совсем свежий и пахнет. Держа его в руке через целлофановый пакет, я смотрю по сторонам, чтобы перейти дорогу, и замечаю доску, почти по центру которой приклеено необычное объявление. Большую его часть занимает фотография девушки. Крупные надписи могу разглядеть и отсюда, но, равнодушная к чужой потере, подхожу ближе. Пропала Синицына Катерина, двадцать один год. Здесь, в Долгом. Длинные рыжие волосы, серые глаза, худощавое телосложение. Ушла из дома к подруге вечером две недели назад, но до нее не добралась. Где-то на этих тихих улицах, по которым я собираюсь пройти, она и исчезла. В первые секунды это меня искренне удивляет. Хотя с чего бы? В мире постоянно происходят трагедии. Причем внезапно, позволяя оставшимся жить лишь шокировано втягивать в себя воздух в попытке осознать очередную несправедливую потерю. Опускаю глаза ниже. Там крупные цифры номера, по которому нужно позвонить, если хоть что-нибудь станет известно, и имя Наталья – прямо как мое. Должно быть, это мать девушки. Пытаюсь представить, каково это внезапно потерять своего ребенка? Хуже, чем мужа?

На самом деле я не готова вообразить себе боль сильнее, чем моя. Эта жалкая мазохистская попытка очевидно совершенно неразумна. Стараюсь прогнать от себя вообще любые мысли, машинально доставая из кармана смартфон. Проверяю сообщения, которых нет, и чуть успокоившись, на всякий случай фотографирую объявление. Тут только замечаю, что рядом со мной стоит мужчина. Не знаю, как давно – он словно внезапно материализовался из воздуха, а

не подошел. Выглядит прилично, так что беспокоится пока не о чем. Я уже собираюсь отойти от доски с объявлениями, но тут он произносит печально и, вроде как, обращаясь ко мне:

— А ведь я ее знал, — мужчина вздыхает, глядя на изображение пропавшей девушки. — Не очень хорошо, но частенько встречал на улице, здоровались. Красавица была. Не представляю, что чувствуют сейчас ее родители

— Может быть, еще найдется, — предполагаю я, хотя не знаю, какие тут на самом деле шансы. То есть подозреваю, что никаких.

— Все может быть, — мужчина переводит внимание с фотографии на меня. — А вы не местная?

— И да, и нет, — отвечаю. — Дом здесь я купила давно, но только с сегодняшнего дня буду жить в нем постоянно.

— На какой улице?

— На Лесной, — сама не знаю почему, откровенничаю я. Мне следовало бы уйти. Последнее, что мне нужно, это разговор.

— А, десятый дом, с такой красивой беседкой? — сразу догадывается незнакомец. — Я тут в округе все дома знаю.

Немного пугаюсь этого заявления. Кто будет ходить и так пристально разглядывать чужие участки? Разве этому человеку больше нечем заняться?

— Не волнуйтесь. Я сантехник и вроде как неплохой, так что меня вся округа зовет, если что-то не так или не туда течёт. В общем, я не маньяк какой-то, просто всех соседей в результате хорошо знаю и их дома тоже, — объясняет мужчина с полуулыбкой. — В вашем доме тоже бывал еще при предыдущих хозяевах. И вы, если что, зовите, — он шарит по карманам, достает и вручает мне немного помятую визитку.

Леонид. Сантехнические работы любой сложности. Телефонный номер.

— Можно просто Лёня.

— Наташа, — тоже представляюсь я. Знакомый сантехник — это неплохо. Особенно, если порядочный. Разглядываю его уже более внимательно, чтобы запомнить. К сожалению, все мои знакомства за последние полгода слились воедино, и я совершенно не помню никого из тех, кто помогал при похоронах, грузчиков, перевёзших из квартиры мои вещи, и даже тех, кто приходил на поминки. Впрочем, конечно, не имеет никакого значения, что это были за личности, только, не будь я в таком состоянии, все равно бы всех запомнила. Раньше у меня была прекрасная память на лица, но эти люди словно бы и не имели лиц.

Леонид высокий и худой, но при этом крепкий. У него очень светлые коротко постриженные волосы и грубоватые черты. Он хорошо выбрит, несильно пахнет цитрусом. На нем джинсовая рубашка поверх белой футболки с какой-то надписью. Все, вот теперь я его запомню.

Вернувшись домой, я кладу перед Олесей хлеб, который она хотела. Но ее любимые бутерброды с хумусом мы схоячим позже, сейчас будет что-то более основательное. В мое отсутствие подруга уже чем-то обмазала и начала запекать курицу. К ней еще приготовим рис с шафраном.

Вишня прыгает вокруг меня, радуясь, что я снова с ней. А скоро еще будут куриные запахи — она совсем с ума сойдет. Стараясь не наступать на нее, принимаюсь помогать Олесе.

К тому моменту, как обед приготовлен, я уже успеваю сходить в беседку и протереть там стол и лавочки. Возвратившись оттуда, вспоминаю, что хотела еще сварганить салат из тех овощей, что уже мытыми лежат в миске. Подруга же берет столовые приборы и выходит с ними наружу.

Беру помидор и нещадно кромсаю с неоткуда взявшейся агрессией, когда слышу с улицы дикий женский визг! Очевидно, там произошло нечто ужасное, а ведь там Олеся! Первая

дурацкая мысль, что беседка оказалась трухлявой и сложилась ей на голову! Вот только я же только что была там, и все было в порядке.

Стараясь не наступить на Вишню, которая предпочитает охранять мои ноги, а не рваться впереди меня к неизвестности, я выбегаю из дома с ножом в руке. С Олесей на первый взгляд ничего не случилось – она стоит у беседки, держа перед собой корзинку с вилками и столовыми ножами. Все равно мчусь к ней, только опустив свой нож, влажный от сока помидора.

— Олеся! Ты чего?! – спрашиваю я ошарашено, а она дергает головой, типа, смотри сама.

Повернувшись, вижу между кустами шиповника, которые высажены на границе моего участка с соседним, голого мужчину с топором в поднятой руке.

Глава 2. Иллюзия.

На голове мужчины надета шапка из газеты, с которой на лицо свисает еще один газетный лист с прорезями для глаз. Поняв, что привлек внимание нас обеих, он начинает по-крабьи выползать к нам из кустов, покачивая в воздухе топором. При этом он еще и сильным голосом напевает:

— Я большой и сильный змей, я ем маленьких детей и их милых тетушек, Ниночек и Тонечек!

При ближайшем рассмотрении оказывается, что на мужчине все-таки есть трусы, но они частично скрыты от нас свисающим пивным животом. К тому же они грязно-белые, как все его тело, исключая чуть загорелые кисти рук.

Я чувствую, как Олеся пытается ухватить меня за руку, но у нее выходит не сразу, так как она делает это вслепую. Оглядываюсь на подругу, она расширенными глазами смотрит на приближающегося мужчину, со стороны которого ветер приносит нам тяжелый дух выпитого им спиртного. Вишня, не переносящая алкогольные запахи, начинает заливисто гавкать, впрочем, все еще отираясь у моих ног. По идее, самое время с визгом убежать обратно в дом, однако я чувствую совершеннейшее безразличие к происходящему. Не знаю, чем может закончиться этот странный спектакль и мне даже не любопытно. Олеся же как будто контузило.

Но тут слышу треск и вижу, как из тех же кустов вылезает другой мужчина, на этот раз полностью одетый и менее пузатый. Он подбегает к первому и хватает его.

— Простите, — говорит он, тоже не особо трезвым голосом, — мой брат чутка перебрал. Мы сейчас уйдем!

— Ну, погоди, — упирается этот самый брат, — такие красивые девушки нельзя же просто оставить их одних

Можно было бы счесть это за комплимент, если б не состояние нашего пьяненького поклонника. Но объективно мы обе давно уже не девушки, а возраста чуть за тридцать, когда почти сорок. И если Олеся ухаживает за собой, то я уже с полгода как забросила это дело. Моя обычная стрижка каре превратилась в нечто непонятное средней длины, медный оттенок волос потускнел и продолжается только до середины, а от корней и до подбородка у меня светлый каштановый с проблесками седины. От природы худощавая фигура стала и вовсе угловатой, а про лицо я вообще молчу. Уголки губ навечно опустились вниз, а возле глаз появились первые морщинки.

Второй мужчина не отпускает первого, что-то шепчет ему на ухо, поглядывая на нас. Пошатаываясь, они оба всё-таки разворачиваются и лезут обратно сквозь кусты.

— ЧтоЧто это было?! – дрожащим голосом спрашивает Олеся. Мы видим, как братья заходят в соседний дом.

— Соседи, — констатирую я. – Ты все еще хочешь есть на улице?

— Не-ет, — подруга брезгливо передергивает плечами, но тут же возражает самой себе: – Хотя почему нет? Да! С чего нам пропускать такой чудесный теплый день? С завтрашнего дня обещают похолодание.

Утром в воскресенье я бы вообще не стала вставать с постели, если бы в доме не было Олеси. Я бы сама не стала ничего делать, если б подруга не устроила уборку.

В доме темно и серо, что я списываю на грязные окна, так что выхожу наружу с тряпкой. Действительно похолодало, и даже в толстовке немного зябко, но я игнорирую холод. Спрыгиваю с крыльца на плитку, выложенную вокруг дома, и, не желая начинать работу, обхожу его вокруг, просто чтобы понять, как многое нужно сделать. Под ногами хрустят высохшие листья, веточки и прочие мелкий сор, среди которого я обнаруживаю нечто покрупнее – пожелтевшую и мятую школьную тетрадку. Ветер, должно быть, принес откуда-то с другого участка. Нужно

будет собрать все и выкинуть. Возвращать тетрадку хозяину бессмысленно: она годится только на растопку. Впрочем, все равно поднимаю ее и отряхиваю от пыли.

На обложке не написано ничего: ни имени, ни номера школы. А вот внутри возможно чьё-то сокровище. Что-то вроде комикса, нарисованного детской рукой, то есть картинки по одной на страницу с подписями к ним. Заинтересовавшись, я перелезаю через заросли и усаживаюсь на скамейку, которую наскоро обметаю прямо рукой.

Перелистывать тетрадку не слишком приятно – такая она грязная, но мне все равно любопытно. Почерк у ребенка округлый и вполне разборчивый. В подписях к рисункам рассказывается о странных существах под названием ракутаги. Они похожи на людей, но некоторые парные органы у них представлены в тройном количестве: три уха, три глаза, три ноздри, три руки. Хотя, как я понимаю, третий экземпляр не работает. В день своего совершеннолетия каждый ракутаги проходит жестокий обряд инициации, когда ему вшиваются третьи органы, взятые у жертвы – человека. Все, что от того остаётся, съедается.

Вообще, ракутаги хищники, они охотятся на людей и зверей, но почему-то только в определенное время дня и ночи – с трех до пяти. Существа эти выглядят для посторонних совершенно нормально. Только другие ракутаги могут разглядеть их настоящий облик.

Главный герой комикса – мальчик, выросший в приемной семье. Он живёт среди людей, но чувствует отчуждение ото всех. Случайно, мальчик узнает, что он ракутаги и может видеть этих монстров.

— А чем это мы тут занимаемся? – неожиданно Олеся оказывается рядом со мной и тоже присаживается на скамейку, мягко спихнув меня с расчищенного участка.

— Да нашла тут в мусоре под окном эту тетрадку, — показываю подруге свою находку. Она берет ее за верх листов осторожно, кончиками пальцев.

— Ну, надо же, что тут у нас! Давай просто выбросим бяку? – предлагает она, сморщив нос. Но она посмотрела-то всего пару страниц!

— Да ты что! Это же чьё-то творчество! – восклицаю я, отбирая тетрадку обратно. Конечно, это всего лишь наивная детская страшилка, тщательно прорисованы только монстры, а остальное чисто схематически, но у меня рука не поднимется кинуть ее в мусорный контейнер. Я глажу тетрадь по обложке, будто она живая. Да так, собственно, и есть: кто-то вложил в нее кусочек своей души. Тёмный кусочек. Чьи-то страхи и сомнения перешли на грязноватые листы, чтобы не воплотиться в реальности.

Но в дом нести ее мне абсолютно не хочется, так что отношу ее в беседку и кладу в уголок. Здесь она будет в безопасности, прикрытая от дождей и ветра крышей и густыми веточками кустов.

Олеся уезжает уже этим вечером, и следующую неделю мы проводим вдвоем с Вишней. Мы много гуляем, потому что, хоть я теперь и сторонюсь людей, просто сидеть сиднем в четырех стенах тоже тошно. Мысли приходят всякие, а на прогулке в лесу я не думаю о Тошике. Почти не думаю. Ладно, думаю чуть меньше. Все равно приходят воспоминания, и зачастую не самые хорошие. Как будто мой мозг специально пытается очернить Тошику, чтобы я перестала наконец страдать по нему. Но из-за этого наоборот добавляется еще и чувство вины перед ним. В эти моменты я ощущаю его рядом, читающим мысли прямо из моей головы и ужасающим меня моей искривленной памяти.

Я даже радуюсь, когда узнаю, что в пятницу придется ехать в Москву, чтобы встретиться с коллегой для обсуждения одного из проектов. Когда выхожу утром из дома, уже чувствую себя странно, как-то нелепо, будто всё происходит не со мной, так что решаю не брать машину. Это оказывается правильным решением, но понимаю я это только вечером.

Выйдя из офиса после встречи, на которой промучилась два часа из-за ощущения неестественности происходящего, я вдруг понимаю, что все вокруг меня: серые здания, асфальт под ногами, облетающие деревья – действительно ненастоящие, пластиковые или картонные. Я

стою под накрапывающим бумажным дождем, уставившись на траву на газоне, и до меня никак не доходит, как она может расти из земли?! Нет, знания по биологии у меня никуда вроде не делись, но я вижу пластиковые пучки торчащие из пластикового покрытия и больше ничего. Я вдруг начинаю четко осознавать, что раньше не видела правды, что весь окружающий мир состоит из нелепо выглядящих декораций! Поставленных неизвестно кем и неизвестно зачем. И есть ли в таком случае смысл вообще куда-то идти?

Ну, стояние на месте тоже ни к чему не приведёт. Неуверенной походкой иду вперёд, но впереди дорога, по которой вроде как едут машины. И я не понимаю, как перейти её и не могу определить расстояние до картонных машин. Как-то смутно представляю себе, что они меня могут сбить, если попадусь им под колеса, и это нежелательно, хотя Все-таки иду туда, куда направляются другие люди – к подземному переходу. Однако лестница вниз пугает меня. Я боюсь провалиться сквозь нее и навсегда застрять там. Но другие-то люди по ней ходят спокойно, даже топают, не утопая в ней как в зыбучем песке. Осторожно пробую ногами ступеньки, тоже спускаюсь вниз. А там вижу вход в метро и иду просто вместе со всеми, повторяя за ними их действия у турникетов.

Домой добираюсь с большим трудом, часто останавливаясь, чтобы подумать и в очередной раз принять решение, куда идти. Только зайдя за ворота, когда меня уже немножко отпускает, понимаю, что в таком состоянии вполне могла бы уехать и чёрт знает куда, просто повторяя за кем-то, так как реально не видела смысла ни в чем. Наличие дома Вишни – беспомощного существа, полностью зависящего от меня – тоже особо не влияло тогда на мои действия, потому что она также виделась мне не настоящей, а выдуманной моим неправильно работающим мозгом. Только вопрос: когда же все было правдой, когда я все видела пластиковым или когда все казалось реальным, нормальным и объяснимым? Не лучше ли тогда жить в нормальном мире, даже если он иллюзорен? Потому что мыкаться по пластиковому миру, лишённому смысла и адекватности, мне совсем не понравилось.

В общем, решаю, что все приключилось со мной на нервной почве. Это истерзанные нервы меня подвели. Раньше со мной уже такое бывало, но только не так сильно. Просто на пару минут мне начинало казаться, что я в компьютерной симуляции и можно делать всё, что угодно. Я, правда, особо не обращала на это внимания и не делала ничего особо эксцентричного. Хотя сейчас задумываюсь, а что бы было? Подтвердила бы действительность свою реальность каким-то образом? Нет, в следующий раз я не буду прыгать под поезд, чтобы доказать себе, что жива, но что-то необычное можно было бы попробовать сделать.

Я выпускаю Вишню из дома и захожу в беседку. Буду прятаться здесь и от дома с его напоминаниями о Тоше, хотя он бывал в нем всего несколько раз, и от Вселенной, необъяснимо устроенной и пугающей.

Тетрадка с монстрами лежит на своем месте, в чём, признаться, после всего случившегося я была не уверена. Обняв рукой столбик беседки, я наклоняюсь, чтобы ее поднять и продолжить читать рассказ, но пальцы нащупывают неровность. На дереве оказывается вырезан странный знак, который я не знаю, что означает. По-моему, что-то языческое. Самое простое объяснение, что его вырезали бывшие хозяева дома. Но был ли символ тут раньше, когда я покупала участок? Вроде не было – я все так придирчиво осматривала. Но значит ли это, что кто-то залезал сюда, когда дом уже был в моем владении, но я не жила здесь? Недавно мне казалось, что кто-то был и в доме. Что если мне не почудилось?

Под недоуменное тьяканье Вишни я быстрым шагом иду к крыльцу. Зайдя внутрь, начинаю осмотр заново. И прямо в сенях обнаруживаю вроде бы такой же символ, вырезанный на косяке двери в дом! Он небольшой и расположен высоко, так что я его до сих пор не замечала. Но я почти уверена, что он появился тут не так давно. Хотя, откуда эта уверенность, не знаю.

Глава 3. Зараза.

Необходимо как можно скорее поменять замки, вот что! Кто-то без спроса заходил в дом, и это не моя фантазия! Да мало того, что заходил, еще и хозяйничал тут!

Заоравший телефон заставляет меня забыть об этом. Хотя звонит всего лишь Олеся, а не начальник Елисей Павлович или еще кто-либо такой же страшный, как он. Я в принципе ожидала, что она объявится, ведь сейчас вечер пятницы. Впереди выходные и подруга опять может приехать ко мне.

— Наташ, все пропало! – кричит она в телефон, и мне слышится слезы в ее голосе.

— Что случилось? – нервно спрашиваю я. В горле появляется комок.

— Да это Костя, он — связь как будто бы прерывается, но возможно, что Олеся не может продолжить фразу, так она расстроена. – Короче, я уже еду к тебе. Готовьтесь с Вишней нажраться в хлам. Что там пьет твоя собачатина: сухое, полусухое?

— Давай полусладкое и конфетки, — предлагаю я. В доме из закусить уже ничего не осталось, не пить же вино под пустые макароны.

Пока Олеся едет, пытаюсь проинспектировать замки в дверях, но не вижу на них царапин или других повреждений. Впрочем, я не знаю, что нужно искать. Вскрывали ли их? А потом аккуратно заперли за собой, уходя? Такое, вообще, бывает? Может, никакого взлома и вовсе не было, а некто нашел запасные ключи? Аккуратно вошел, а потом вышел, сделав вид, что ничего не было. Конечно, для преступника лучше б чтоб никто и не знал, что проникновение было совершено, чем бы он там не занимался внутри. Может он вообще собирается вернуться.

В прихожей я ищу запасные ключи, которые, по-моему, оставляла в тумбочке под вешалкой. Но их там очевидно нет, хотя я делаю два подхода к их поиску. Тошик мог взять ключи и спрятать где-нибудь во дворе – он любил быть готовым к любым неприятностям. Он даже носил с собой аптечку в рюкзаке. Даже если дресс-код не предполагал ношение рюкзака.

Мог ли Тоша сделать такое, не сказав мне? В принципе, мог сделать и забыть.

Выхожу на улицу, где уже темнеет, и пытаюсь думать, как он. Куда бы Тошик мог засунуть ключи? Обхожу крыльцо, раздвигая носками ботинок травинки. Ловись, ловись ключик, большой и маленький.

Свет меркнет как-то очень скоро, и даже лампочка на крыльце особо в поисках не помогает. Включаю фонарик в телефоне и буквально ползаю вокруг на карачках. Быстро утомившись от такой зарядки, сажусь на ступеньку крыльца. А в ней, кстати, есть щель, куда бы в теории вошли ключи. Да, вот они родимые – висят на вбитом изнутри в ступеньку гвозде. Достая их через щель за скрепляющее кольцо. Черт, любой мог найти их здесь и спокойно войти в мой дом!

Мне не по себе, но я продолжаю сидеть на крыльце. Вишня, не дождавшись меня обратно, тоже вылезает ко мне и ложится рядом, прижавшись мохнатым тельцем к бедру. Так вдвоем мы и ждем Олесю, хотя, по правде обе недолюбливаем алкоголь.

Пока сидим, достаю смартфон и ищу по фотографии тот знак, что неизвестный вырезал в моем доме и в моей беседке. Это оказывается несложно. Славянский оберег, охраняющий от злых людей, нечистой силы, — читаю я. Также от сглаза, порчи, болезней. В общем, от всего. Купить этот оберег можно во множестве мастерских и на известных маркетплейсах. Но кто-то предпочел вырезать его прямо на дверном косяке!

То, что знак имеет сугубо защитные свойства, меня не слишком успокаивает. Все же кто-то проник в мой дом и явно не для того, чтобы позаботиться таким странным образом об его официальной хозяйке. Что-то кому-то понадобилось здесь, и он верит в магию. Или она. Или они. Может ли оказаться, что мой дом, в котором я еще пока толком не жила, находится в священном месте для каких-нибудь идолопоклонников или сектантов? И они будут еще не

раз заходить ко мне на чай? Хорошо бы это были мирные люди, не использующие в своей практике кровавых ритуалов. Да ладно, я в любом случае не хочу никого здесь видеть! Я заберу ключи обратно в дом, но хватит ли этого, чтобы избавиться от дальнейших приходов незваных гостей?

О том, что подруга уже на подходе, она дает нам знать заранее. По нашей тихой улочке разносится Вот кто-то с горочки спустился, перемежаемое всхлипами. Подхожу к калитке, чтобы впустить ее.

На Олесе офисный брючный костюм и каблуки. К этому наряду совершенно не подходит ее пёстрый рюкзак из разряда складывающихся в карман.

— Простите, начала без вас, — выдыхает она через прутья калитки сивушные пары. Вишня из-под моих ног ругается на нее, но Олеся, заходя во двор, обращает на собачку ровно столько внимания, сколько нужно, чтобы не продырявить ее острым каблуком. Мне приходится отбуксировать подругу к крыльцу, поскольку заросшая травой дорожка и пьяный офисный менеджер несовместимы.

— Так что там Костя? — со всем участием спрашиваю я, усадив Олеся в кресло в гостевой комнате. Она тут же скидывает туфли и, наклонившись, начинает расшнуровывать поставленный мною на пол рюкзак.

— О, Боже, — подруга распрямляется, держа бутылку в руке. — Чуть обратно не пошло! — ладонью другой руки она прикрывает себе рот, как будто ее вот-вот стошнит.

— Тазик?

— Не, обошлось.

На лице Олеси, разукрашенном водостойкой косметикой, все равно видны следы страданий. Несколько светлых прядей вылезло из строгой прически.

— Достань, что я там купила на закуску, — просит подруга, — и куда это, — она трясёт бутылкой, — в чём это будем употреблять.

Когда возвращаюсь из кухни с двумя бокалами в руках, вижу Олеся, понуро сидящей на кровати в обнимку с плюшевым гусем. Не могу удержаться от мысли, что вместе они смотрятся органично.

Поставив бокалы на стол, вынимаю из рюкзака Вишню, возбужденно виляющую хвостиком, потом еще одну бутылку вина и колбасную нарезку. Их, этих нарезок, там шесть штук одинаковых. Видимо, Олеся просто сгребла закуску с полки магазина пачкой.

Разливаю вино по бокалам и, передав один из них Олесе, сажусь рядом с нею. Вишня ворчит на нас, но не уходит, сидя столбиком так, чтобы видеть, чем мы заняты. Больше я не спрашиваю про Костю, Олесиного мужа, ожидая, что она сама начнет рассказывать, как только будет готова.

— Я сегодня ушла с работы рано, делать там все равно было нефига, — говорит подруга, быстро ополовинив бокал. — Захожу в наш долбанный подъезд, вызываю лифт, и он приходит, блин, раскрывается, — она делает большой глоток из бокала. — А там эта парочка: Костик и его тупая секретарша, вся в кудряшках. Овца!

— И ты думаешь, они

— А что тут думать?! Лизались они прямо там, в лифте! Ух, ненавижу обоих! — Олеся так сжимает бокал, что я боюсь, как бы не треснул. — Гоняла эту дуру по всему подъезду своей сумкой! Даже телефон оттуда выскочил и разбился! Пол экрана трещинами пошло, — она хмыкает и залпом выпивает остатки вина. — Ещё!

Вместо вина я протягиваю ей открытую нарезку.

— Я давно знаю эту гадину, подписана на нее с фейкового аккаунта, — оживляется Олеся. — Давай ей напишем, что она прошмандовка! И всем ее друзьям напишем!

— Да оставь ты её, — качаю головой я. — Тебе надо с Костей этот вопрос решать. Он-то что сказал? Или стоял как истукан?

— Олеся, пожалуйста, не бей ее ногами! – проговаривает подруга мультяшным голосом.
— Вот, что он сказал! Больше заботился о своей кудрявой горгулье, чем о моих чувствах!

— Ну, может, он за тебя и боялся, — предполагаю я. – Что б тебе потом за избиение отвечать не пришлось.

— Да ладно, — отмахивается Олеся. – Не заступайся за Костика. Все кончено с ним, разводиться будем, — с горечью заключает она и сама наливает себе вина из поставленной мною на пол бутылки. Выпив ещё, подруга залезает в свой телефон, который и вправду находится в не лучшем своём состоянии. – Вот, посмотри, это она, — показывает Олеся профиль разлучницы на битом экране.

На мой взгляд, смотреть там особо не на что. Обыкновенная девчонка, раза в два моложе нас с подругой, уверенная в себе, ухоженная и крайне похожая на еще миллион таких же других девчонок. Вот увидела бы в толпе, не узнала.

— Погоди-ка, — Олеся, прокрутив страницу дальше, внимательно читает последний выложенный пост. – Вот тварь какая!

Она чуть ли не швыряет мне телефон, а сама вскакивает с места и начинает ходить из угла в угол, воинственно размахивая гусём.

Я быстро проглядываю строчки под новой себяшкой Костиной секретарши. Там та описывает как раз таки сегодняшнюю сцену с поцелуем в лифте и последующим избиением сумочкой несколько иначе. В уничижительной манере. Не для себя, конечно, а для Олеси и Кости. Олеся у нее представляется выжившей из ума старухой, которая не умеет удовлетворять своего мужчину, а Костя – престарелым сальным козлом, которого девчонка успешно разводила на подарки. И которого она тут же кинула, так как теперь, брошенный супругой, жалкий и одинокий, он ей не нужен.

Мерзко. Но теперь нет смысла писать что-то ее друзьям, ведь они и так в курсе.

Между тем Олесе приходит от этой же девчонки сообщение. Я машинально открываю его и тоже пробегаю глазами, после чего тут же удаляю. Теперь во мне вскипает еще большее негодование. Эта девка совсем берега попутала!

Оказывается, она давно знала, что этот аккаунт принадлежит жене ее любовника. И теперь, как все вскрылось, решила над ней посмеяться. Эта наглая девчонка, имея доступ в спальню Олеси, копалась в ее нижнем белье! Буквально копалась, своими мерзкими ручонками с уродским маникюром. Только что она прислала подруге фотографию ее же собственного комода и в письме насмеялась над ее застиранными трусами и маленькими немодными лифчиками. Извращенка!

— Она знает про твой фейковый аккаунт, — единственное, о чем уведомляю я Олеся.
– Давай я удалю его?

— Да, пожалуйста! – Воскликает подруга с омерзением. – Зараза, что б ее! Ничего о ней больше знать не хочу! Дрянь такая!

Для Олеси я стелю постель как обычно в гостевой комнате, а сама ложусь на нашу с Тошиком широкую кровать, на которой без него теперь слишком много места. Можно укладываться хоть по диагонали, все равно чувствуется, что рядом кого-то не хватает. А теперь мне еще и попросту страшно, зная, что какой-то чужак бывал в этом доме и, возможно, не раз. В любой момент этот незнакомец может прийти снова со своими не вполне понятными намерениями. Ключи из-под ступеньки я, конечно, забрала, но у него уже могут быть дубликаты.

Полночи я ворочаюсь, то заворачиваясь в одеяло, то откидывая его прочь. Прислушиваюсь и гадаю, что за чертовщина творится в поселке, если от нее нужно защищаться берегами. Наконец, вроде бы сон милосердно подкрадывается ко мне, веки слипаются, и посторонние мысли перестают тревожить меня. И как раз в это благополучное время я слышу громкий жен-

ский крик! Крик то ли боли, то ли ужаса. И такое ощущение, что донесся он откуда-то из моего двора. То есть проигнорировать такое никак невозможно!

Я вскакиваю с кровати и луплю ладонью по выключателю. Загорается люстра, свет бьет по глазам. Вишня недоуменно поднимает голову, лежа на своей лежанке. Взгляд у нее сонный и вопросительно суровый.

Никакого другого шума, кроме разве что собственного испуганного сердцебиения, я не слышу. Быстро выхожу из спальни и заглядываю в комнату к Олеся. Она на удивление спокойно спит, лежа на боку и укрывшись одеялом по уши.

Но звук был действительно громким! Как она могла даже не проснуться? Может быть, крик мне приснился?

Жаль у Вишни не спросишь. Она семенит за мной, не задумываясь, по какому поводу я вскочила. Следует за мной с полуприкрытыми глазами, будто половина ее мозга все еще досматривает последний сон.

На всякий случай я решаю выйти и посмотреть, что вокруг творится. Забрасываю ноги в резиновые сапоги и надеваю поверх пижамы куртку. Из сумочки Олеся достаю газовый баллончик и, поколебавшись у двери, открываю замок и выглядываю наружу.

Вокруг чернота. Только прямоугольник света из моей спальни, упавший на заросли около дома. И довольно тихо. Какие-то ночные шорохи на грани слышимости.

Я гляжу сначала на участок соседа слева, того, с которым по границе у нас только шиповник, и обвожу взглядом всю свою территорию вплоть до забора справа. Здесь глаз улавливает какое-то движение. Успеваю немного испугаться, прежде чем понимаю, что двигается неопознанный объект в сторону от меня. Луч от фонарика на телефоне бежит следом и наконец выхватывает из темноты Вишню. Она короткими перебежками следует к соседскому забору.

— Вишня, — громким шепотом зову её я. Но собачка, похоже, почуяла там что-то более интересное, чем ее взбалмошная хозяйка, потащившаяся ночью во двор. — Вишенка, что там? — иду к ней, а великоватые мне резиновые сапоги, надетые на голые ноги, издают на ходу неприличные звуки.

Когда я добираюсь до забора, то слышу нечто еще более неприятное: лязгает цепь, потом к нам приближается кто-то громко дышащий и явно крупный. Думаю, что большой пес. И точно — почувствовав чужаков, он начинает угрожающе рычать на нас.

Мы явно в безопасности по другую сторону от забора, но в темноте кажется, что этот утробный металлический звук раздается прямо под ухом и в любую секунду клыкастая пасть сомкнется на моей дрожащей руке, в которой я держу смартфон, пытаюсь снова нашарить светом фонарика мою Вишню. Вот она! Как ни в чем не бывало делает подкоп на ту сторону! Да ты обалдела, малявка!

Подхватив ее под пузо, пытаюсь как можно скорее отойти обратно к крыльцу, хрюкая противными сапогами. И вижу свет в другой стороне участка! Похоже, это у соседа слева. Два луча от фонарей рассекают темноту, но вскоре выключаются: сначала один, потом другой. То ли кто-то решил притаиться, то ли эти двое просто зашли за дом. Или в дом.

Постояв еще немного у крыльца, глядя в направлении дома соседа, я поднимаюсь по ступенькам. Пес за забором наконец стих, но чувствую все еще стоит рядом с ним и прислушивается. В остальном все спокойно. Как бы то ни было, что бы ни случилось этой ночью, находиться дальше тут не имеет ни малейшего смысла. Продолжая тревожиться, возвращаюсь в постель.

Утро субботы выдается тяжелым. Я просыпаюсь рано, выгуливаю и кормлю Вишню, а потом мыкаюсь по дому в ожидании, пока проснется Олеся. Она появляется из комнаты часов в одиннадцать с криками: — Убью суку!

Вишня, дежурившая у нее под дверью, тут же с обидой на мордочке несется ко мне, но защита с моей стороны ей оказывается не нужна, так как ругательство относилось не к ней.

— Нет, ты только посмотри, что она мне прислала! – Олеся сует мне в руки свой разбитый телефон.

— Как прислала? Я же удалила аккаунт, — негодую я.

— Она на мой настоящий прислала! – рывкает подруга.

На экране фотография все той же девчонки-разлучницы в постели с отвернувшимся к стене мужчиной. Но, я так понимаю, это Костя, кто ж еще? А девчонка позирует на его фоне, как будто с трофеем. Вдобавок, замечаю, что постельное белье на кровати — то самое, что я дарила им на их с Олесей годовщину.

Вот что эта девка привязалась к моей подруге? Она уже разрушила ее брак, что ей еще-то надо?

— Все, я уйду! – гремит Олеся из прихожей. Она там надевает мои резиновые сапоги.

— Куда?! – подскакиваю я к ней.

— К соседу! Он вроде был нечего. Баш на баш! Я тоже изменю Костику! Пересплю с первым попавшимся мужиком! – истерически заявляет подруга.

— Э, — только и успеваю сказать я. Быстро надеваю ботинки и бегу за уже несущейся к кустам шиповника Олесей. На самом деле картина еще та! Она в моей пижаме с бульдожками и серых резиновых сапогах до середины колена, светло-русые волосы торчат во все стороны. Самое то, чтобы уломать незнакомого человека на быстрый ничего не значащий секс!

Догоняю Олеся на чужом крыльце. Та уже успела позвонить в дверь, так что ее намерения очевидно серьезны, хоть и шокирующе опрометчивы.

— Олеся, давай ты не будешь предлагать такое моему соседу? – прошу я.

— А пусть Костик знает, как это больно! – заливается слезами подруга.

— Думаю, ему теперь тоже больно, — я обнимаю Олеся и глажу ее по встрепанным волосам. К счастью, никто не застаёт нас на крыльце, поскольку соседа, похоже, нет дома.

Однако, пытаясь увести подругу домой, я вижу кое-что важное. Прислоненную к крыльцу лопату, которой, похоже, недавно что-то копали, судя по комьям грязи на ней, но забыли вымыть и убрать. Оглядывая небольшой достаточно ухоженный садик соседа, вижу подозрительный участок перекопанной земли между плодовых деревьев. Он вытянутый, как раз в форме могилы.

— Нам нужно позвонить в полицию! – говорю я тихо.

— Что за чушь! Меня там на смех поднимут! – фыркает Олеся, и я не сразу соображаю, что она все еще говорит о своей проблеме, естественно, а не о том, на что уже перепрыгнул мой ум.

— Извини, я не об этом, — я спрыгиваю с крыльца и направляюсь к закопанной яме. – Что это, по-твоему, может быть?

— Что ЭТО? О чем ты вообще?! – недовольно произносит подруга, но, помешкав, следует за мной.

— Вот, — указываю я себе под ноги, остановившись недалеко от края ямы.

Олеся опускается на корточки и с преувеличенным интересом изучает землю, придерживая волосы руками.

— Ага. Здесь определенно копали, — с издевкой заключает подруга, раздраженная тем, что мое внимание больше не сосредоточено на ее проблеме. – Напомни, рытье в собственном саду проходит по административному или уголовному кодексу?

Понимаю ее чувства, но она просто не осознает всей важности нашей находки!

— Лесь, в этом поселке недели три назад пропала девушка, — пускаюсь я в объяснения. – А этой ночью я слышала испуганный женский крик!

— А я не слышала! — заявляет Олеся и поднимается на ноги. — Ты же не думаешь, что твой сосед — чокнутый убийца, похитивший девушку, чтобы ночью вывести ее на улицу, тюкнуть лопатой по голове и прикопать, блин, прямо у себя, на собственном участке?!

— Да нет, но — тушуюсь я, поскольку действительно это все звучит по-дурацки.

— И тем более, я надеюсь, что ты не собираешься рассказать эту хрень полиции?! — продолжает злиться Олеся.

— Но может им стоит проверить

— Напоминаю, это твой сосед! Ты же не хочешь, чтобы он считал тебя мнительной дурой, строчашей жалобы по любому поводу?!

— Нет, но — я судорожно вздыхаю. — Что еще это может быть? Нельзя же просто сделать вид, что ничего не было?!

— Это компостная яма! — кидает предположение Олеся. — Точно! А ты напридумывала себе Бог знает чего!

— И что ее нужно было рыть именно ночью?! — не унимаюсь я. Перед глазами те два луча от фонарей, рассекающие темноту прошлой ночи.

— Я не знаю, когда ее там надо рыть! Я не садовод-огородник! — возмущенно шипит на меня Олеся. — Может, ее на растущую Луну принято рыть, чтобы урожай потом богатый был! А может, у твоего соседа просто другого времени для этого не было!

— Есть только один способ убедиться, кто из нас прав, — говорю я.

— Разрыть могилку? Это кощунство, знаешь ли! — Олеся внезапно хватает меня за предплечье и резко тянет за ближайšie кусты.

— Вернулся сосед? — пригибаясь, нервно шепчу я и бешено верчу головой.

— Нет! Не знаю. Кто-то просто шел по улице, а я в пижаме!

Ну, вот, заметила-таки эту небольшую деталь! Мы пережидаем за кустом секунд пятнадцать, хотя не уверена, есть ли в этом смысл. Прохожий должно быть уже ушел в полной уверенности, что видел в саду двух умалишенных.

— Пойду все-таки и чуть-чуть копну там. — Сомневаясь, говорю я. — Если там компост, то его глубоко не закапывали. Наверное. Я не знаю, честно говоря, но по идее.

— Горе ты мое, иди, убедись, что я права, — разрешает подруга, — а я отсюда буду наблюдать, чтобы сосед внезапно не вернулся!

Подбегаю обратно к крыльцу и, схватив лопату, тщательно осматриваю ее, вдруг найду следы крови, но ничего не обнаруживаю. Конечно, вряд ли бы девушку убили именно так, как с ходу предположила Олеся. Это была просто шутка с ее стороны.

Вернувшись к яме, я недолго собираюсь с духом, прежде чем начать раскапывать ее. Земля рыхлая и особых усилий не требует, разве что с психологической точки зрения. С каждым движением я боюсь наткнуться на человеческие останки. Боже мой, чем я только занимаюсь?!

До компоста я не добираюсь. Вообще ничего не нахожу к тому времени, как через несколько минут Олеся подбегает ко мне. То, что там зарыто, находится слишком глубоко!

— Пошли уже отсюда, чокнутая! — шипит подруга мне на ухо. — Сосед соседа с дальнего участка подъехал на машине. Давай, шевелись, пока он ворота закрывает!

Я наспех скидываю нарытый мною холмик обратно в яму. Очевидно, этого не достаточно, чтобы скрыть следы своего любопытства, но Олеся слишком уж настойчиво тянет меня в сторону. Бросив лопату у крыльца, мы бежим обратно к моему дому. Трэш и позорище!

Глава 4. Очки.

Когда я дважды с перерывом в полчаса выглядываю из окна, то оба раза вижу Леонида, прогуливающегося по улице мимо моего дома. Похоже, он ходит туда-обратно, при этом стреляет глазами в мой двор сквозь прутья забора и навалившиеся на них разросшиеся кусты. Не удивительно, что этот новый знакомый начинает снова казаться мне подозрительным. Он как будто высматривает меня, не пойму только, по какой причине. Выяснить не тянет, но и сидеть дома мне невыносимо – безумно хочется на обычную свою прогулку.

— Я пойду погуляю с Вишней, — докладываю я Олеся, глядя на нее через дверной проем. Она сидит на кухне и читает книгу, запивая ее большой кружкой кофе с молоком. Кажется успокоившейся, к тому же я с ее разрешения удалила приложение, через которое ей писала любовница мужа, так что я, наверное, могу оставить подругу ненадолго одну.

— А зачем с ней гулять? – спрашивает Олеся, недоуменно дернув плечом. – У нее ведь весь двор в ее распоряжении.

— На участке Вишня не бегает, а сидит рядом со мной. Не нарезать же мне круги по участку, чтобы она немного подвигалась, – объясняю я, а сама думаю, что, ёлки-палки, справа у нас жуткий пёс, которому Вишенка на один зуб, а слева возможно чья-то могила.

— Ну да, ладно, идите, — подруга смотрит на косматую сардельку, сидящую по обыкновению на моем тапочке. – А я лучше останусь здесь. Не хочется мне никуда тащиться.

Надевая в прихожей ботинки, думаю, как лучше будет: попробовать проскочить мимо Леонида или все-таки встретиться и узнать, что ему так настойчиво нужно? Выхожу из дома уже с решением сразу разобраться с его намерениями, не откладывая в долгий ящик.

Запирая за собой калитку, как на зло никого на улице не вижу, но уже секунд через пятнадцать ожидания мой новый знакомый появляется из-за угла.

— Наташа! – окликает меня Леонид еще издали, хотя я никуда убегать от него не собираюсь. – На прогулку собрались? – спрашивает он, подойдя к нам. Вишня недовольно обтягивает его и не дается погладиться.

— Да, на прогулку, добрый день, — говорю я.

— Добрый. А я вот от клиента иду. Хотите пройдемся немного вместе? – предлагает мужчина, очевидно, солгав мне.

— Почему бы и нет, — киваю я, и мы идем по улице, только не туда, куда я хотела бы, к лесу, а по направлению к центру посёлка. По дороге встречаем моего соседа слева – того самого, с которым мы познакомились на моем участке, куда завалился его пьяный брат, изображавший краба с топориком вместо клешни. И того самого, с которым Олеся сегодня утром собиралась изменять своему изменщику-мужу. В общем, этот сосед только сейчас возвращается домой и выглядит, прямо скажем, неважно. Видимо, квасил с братом где-то ещё, а теперь еле-еле доковылял до своей калитки, весь помятый и опухший, с покрасневшими глазами и дрожащими руками пытается открыть замок.

— Здравствуйте, — приветствуем мы друг друга почти одновременно. Я удивляюсь, как в ту первую нашу встречу сосед показался мне симпатичным, сейчас он выглядит опустившимся и жалким. Вишня узнает его и почему-то не облаивает, хотя делает это со всеми, у кого видит хоть малейшие признаки опьянения. Тем не менее, сосед бросает на меня такой взгляд, я даже не знаю, как его трактовать. Испуганный что ли.

Впрочем, мы уже идем дальше, и Леонид возвращает мое внимание к себе:

— Прикольная у вас собачка. Это что за порода? – спрашивает он неловко, приукрашено веселым голосом.

— Йоркширский терьер, зовут Вишня.

Вишня оглядывается на меня и семенит дальше.

— Ха, а почему такое странное имя? — хмыкает мужчина.

— Вообще-то на самом деле по паспорту она Венера. Только еще будучи совсем маленькой, она умудрилась упереть оброненную со стола вишенку и так старательно протащила ее через всю комнату, чтобы в конце концов посадить в цветочный горшок, что новое имя возникло само собой. Так что она наш маленький садовод!

— Так вот кто посадил ваш чудесный садик! — улыбается Леонид тепло и раскованно.

— Ну, все еще чудесный он только благодаря прошлым хозяевам, — признаюсь я.

— А что ваш муж, с садом не помогает? — каким-то особенным голосом спрашивает Лёня. Вот мы и подошли к этой теме. Если начну все объяснять, прямым текстом скажу, что произошло с моим мужем, то боюсь, просто разрыдаюсь. Прямо тут, ни с того ни с сего, посреди улицы. Но как упомянуть о таком, не используя слова-триггеры?

— Я вдова! — быстро выплевываю я, словно мошку, попавшую в рот.

— Извините, — проговаривает Леонид соболезнующим тоном. Улыбка тут же исчезает с его лица. — Как это случилось?

— Простите, я не готова еще говорить на эту тему.

— Конечно, — хмурится мужчина. — Это вы меня простите. Что я за идиот! Вечно невпопад вопросы задаю!

— Ничего страшного, — пытаюсь успокоить его вспышку самобичевания.

— А мою знакомую, помните, ту девушку с рыжими волосами, чье фото повесили на доске объявлений? Ее так и не нашли, — Леонид переводит разговор на еще одну печальную тему. — Уже три недели прошло. Впрочем, ее родители считают, что ее никто не похищал, что она просто сбежала из дома.

— А в таком возрасте сбегают из дома? — мне вспоминается, что девушке уже двадцать один. Вроде взрослый человек. — Мне кажется, такие не сбегают, а просто съезжают от родителей. Хотя, конечно, разные отношения в семьях бывают.

— Моя сестра сбежала в семнадцать, — говорит Леонид, — сразу после выпускного вечера в школе. Она предупредила меня, что не вернется с этого празднования. А с родителями даже не попрощалась, и мы до сих пор не знаем, где она и как.

— А сколько вам было тогда? — теперь уже я задаю вопрос сочувственным тоном.

— Двенадцать.

— Вы были с ней близки?

— Мне казалось, что да. А когда она сказала, что уходит, меня как будто кирпичом приложили! И я ничего никому не сказал об этом. По моим воспоминаниям, по-моему, я вообще не произнес ни слова за те два дня, что был в курсе ее отъезда, а родители нет. В таком шоке был.

— А причина? Того, что она резко перестала со всеми общаться?

— Считаю, что мы мы ей просто надоели. Мама со своими нравоучениями, папа со своими придирками, ну и я нытик, использующий ее, как своего личного психотерапевта.

— Неужели этого хватило? — почему-то спрашиваю я.

— Ну, может, было что-то еще, — пожимает плечами Леонид. — Что-то за гранью нормального.

Я не понимаю, что он имеет в виду этой последней фразой, и вопросительно гляжу на него. Лёня же нахохлившись смотрит вниз, себе под ноги. Мне не удается сразу сформулировать корректный вопрос, а потом момент уже упущен.

Уже через несколько минут мы прощаемся, так как Леониду нужно идти к другому клиенту, а я все еще не понимаю, почему он караулил меня возле дома. Не для того же, чтоб рассказать историю про свою сестру. Я растерянно топчусь на месте, глядя, как Лёня идет к дороге, чтобы перейти на другую сторону улицы.

— Кстати, хочу вас предупредить, — снова разворачивается ко мне мужчина. Он смотрит на свои наручные часы, а потом по сторонам. — Скоро уже три часа, и я бы рекомендовал вам поскорее вернуться домой. Не гуляйте в одиночестве.

— Почему? — удивляюсь я.

— Не подумайте, что я совсем чокнулся, — просит Лёня, и взгляд у него становится затравленным, — но в нашем, казалось бы, обычном скучном поселке временами происходит всякое. Вы, должно быть, ни с чем таким еще не сталкивались

— О чем вы?! — спрашиваю излишне требовательно и, осознав это, с досадой кусаю губы. Боюсь, он сейчас передумает и так мне ничего и не расскажет.

— Ну, людям иногда вроде как мерещатся странные вещи, — нехотя выдает Лёня.

— Что? Каким людям?

— Людям, с которыми мне приходится общаться по работе. Они признаются мне, что временами чувствуют себя не в своей тарелке. Им кажется, что на улице их преследует кто-то. — Лёня говорит это с таким лицом, будто сам не верит этим самым людям. — Они чувствуют слежку за собой, ну знаете, ощущение пристального чужого взгляда. А еще бывает, что человек, оставшись дома один, слышит с улицы ни на что непохожие звуки. Он подходит к окну, но ничего объясняющего их не видит. Только звуки повторяются снова. Как будто кто-то пытается выманить его из безопасного места.

— Как-то сомнительно звучит, — признаюсь я.

— Да-да, странно, знаю, — спешит согласиться со мной Леонид, кивая.

— То есть несколько разных людей рассказывали вам об одном и том же? — уточняю, бросая взгляд на далековато отошедшую Вишню.

— Ну да, разные люди.

— А вы сами? С вами такое происходило? — допытываюсь я.

— Хм, — Леонид нервно облизывает губы. — Нет, со мной такого не было. Но у меня пропала кошка! — вдруг восклицает он. Услышав знакомое слово, заинтересованная Вишня сразу подбегает обратно к нам.

— Это — в растерянности собираюсь посочувствовать я, но мужчина прерывает меня:

— Животные слишком часто пропадают в поселке! Это не может быть случайностью! Тут определенно есть какая-то связь! — Он говорит тихо, но возбужденно. — И, что еще важно, все всегда происходит именно в послеобеденное время. Не утром и не вечером! А примерно сейчас! Так что, пожалуйста, идите сразу домой! Тут недалеко, так что дойдете, но, пожалуйста, идите прямо домой!

— Хорошо, — соглашаюсь я. Но до конца не верю. И вообще не верю. Людям что-то кажется? Люди что-то слышат? Скорее уж сам Леонид слишком мнительный, ему что-то почудилось, и он для веса решил приписать свои наблюдения неким другим людям. И если б в поселке часто пропадали животные, разве не было бы повсюду, скажем, объявлений о розыске? Улыбаюсь Леониду, а сама думаю, что он все-таки странный. Не то чтобы меня это сильно волнует. Смотрю, как он заходит в чью-то калитку, а потом ухожу.

Проигнорировав странное предупреждение странного человека, мы с Вишней делаем небольшой круг, чтобы вернуться и все-таки пойти к лесу. Мы еще и близко не нагулялись, и собачка бодрячком семенит впереди. По дороге проходим мимо местной поселковой школы, на которую я отчего-то заглядываюсь, рискуя оступиться. Это симпатичное двухэтажное здание с маленькой башенкой, и двумя крыльями. Вполне себе ухоженное, с небольшой территорией за забором, на которой растут елки. А вот с этого места, на котором я останавливаюсь, оно мне что-то напоминает.

Наверное, просто дежавю. Однако покопавшись у себя в памяти, достаю оттуда неясную картинку. Вот я открываю найденную мною под окном тетрадку и перелистываю, кажется, на пятую страницу. Там нарисован такой дом и елки. А под рисунком начинается рассказ о маль-

чике-школьнике, который видел чудовищ с тремя глазами, изуродованным носом и перекошенным ртом. Я так и не дочитала тот комикс.

Этого стоило ожидать. Конечно же, автор истории – местный ребенок, художественно домысливший окружающую его реальность. Какую же еще школу выбрать ему в качестве референса, как не свою?

— Какая милая собачка! Можно ее погладить?! – неожиданно для меня спрашивает звонкий девчачий голосок и вперед к зазевавшейся Вишне вылетает девочка лет шести.

— Она — я хочу сказать, что Вишня не любит детей, но ребенок уже гладит мою собаку, а та неожиданно благосклонно принимает ласку и заинтересованно обнюхивает детские пальцы.

— Она только что ела бутерброд с колбасой, — объясняет подошедшая женщина с двумя груженными продуктами сумками.

Вишня, прекрасно понимая, кто и что ел, облизывает ладошки девочки, а та смеется. Я вынуждено улыбаюсь, стараясь не подать виду, что неожиданная встреча меня тяготит.

В итоге нам с трудом удается развязаться с мамой и дочкой. Мне снова приходится назвать породу и повторить историю про вишенку. Ребенок уже хочет такую собаку. Ребенок уже хочет мою собаку! Убегаем с Вишней под первым попавшимся предложением.

Оторвавшись от них, направляющихся в ту же сторону, мы сбавляем шаг и, отдышавшись, решаем, что в лес сегодня уже не пойдем. Вот теперь нам хватило приключений и, пожалуй, можно уже возвратиться и действительно посидеть дома. Поворачиваем на другую улицу, но теперь навстречу нам идет старушка, и я каким-то образом ощущаю, что просто мимо она не пройдет.

Пожилая женщина, маленькая, худая и сгорбленная, в больших старомодных очках и в своем тёмно-синем, как грозовая туча, пальто, медленно надвигается на нас словно шторм. Одну руку она держит за спиной и хромот.

— Деточка, подсажи, пожалуйста, сколько времени, — просит она, приблизившись. Ничего особенного, но я отчего-то напрягаюсь. Мне кажется, что это прозвучало с каким-то недобрым подтекстом. Все равно из вежливости достаю телефон из кармана и смотрю на экран.

— Ровно три часа, — я поднимаю взгляд и, взглянув старушке в лицо, вдруг замечаю между стёклами очков у нее над переносицей выпуклость, напоминающую третий глаз. Веко его опущено и из-за старой морщинистой кожи я его, видимо, не сразу разглядела. Нос женщины изуродован пришитой сбоку складочкой кожи, образующей третью ноздрю. Платок на ее волосах с одной стороны топорщится, словно на голове у нее какой-то нарост вроде третьего уха. А горб – это что тогда? Третья рука, спрятанная под пальто?

— Спасибо, деточка, — недобро ухмыляется старушка. Я поспешно пытаюсь сделать вид, что ничего такого не увидела у нее в лице.

— Пожалуйста, — говорю я, как можно спокойнее, опустив взгляд на свою собаку.

Такого не может быть, правда же? Это все детская страшилка и не более того. Я быстрым шагом, так что Вишня едва поспевает за мной на своих коротких лапках, перехожу дорогу и направляюсь обратно к дому. Такого не может быть, мне все почудилось, — говорю я себе. Когда пытаюсь открыть калитку, руки дрожат так же, как у соседа-пьянчуги. Все было очень реально! И я, зайдя на участок, прямой наводкой бегу к беседке. Грязная тетрадка все еще лежит на краю лавки в углу. Хватаю ее и бешено листаю – передо мною снова эти глаза, эти ноздри, странные слишком длинные рты и руки, высывающиеся из-за спин. Может, нарисовавший их ребенок и не очень хорошо изобразил остальное, но монстры вышли у него весьма, как я теперь понимаю, реалистичными.

С трех до пяти эти чудовища, ракутаги, начинают охотиться и их маскировка спадает. Но только для других ракутаги! Таких же монстров, как они сами! Было ровно три, когда я увидела уродства у старушки. До этого момента их просто не было!

Что же это означает? Что вся история взаправду? И что я тоже монстр, просто не знаю об этом? Как тот мальчик, о котором идет речь в комиксе. А может быть это на самом деле дневник этого мальчика? История, которую он написал о самом себе. Пришла пора наконец-то дочитать ее.

Я падаю на скамейку, не обращая внимания на нервно мельтешащую у ног Вишню, и начинаю с самого начала. Вот монстры, вот здание школы – все верно, это именно та школа в нашем же поселке, тот же забор и елки. Вишня что-то скулит, видимо, чувствуя мое настроение. Вот автопортрет мальчика – главного героя, возможно реального мальчика, но он больше похож на огурец с глазами, так что даже если я увижу его хорошую фотографию в этом возрасте, я его не узнаю. А вот его история, в которую я не хотела бы верить. Теперь, когда я допустила, что она может иметь нечто общее с действительностью, рассказ выглядит шокирующе страшным.

Простая история: мальчик влюбился в девочку из своей школы. Она была немного старше него, но все равно вроде как отвечала ему взаимностью. Только вот у девочки была особенность – она очень любила украшения, особенно золотые. Но в ее возрасте никто золото ей под ноги не кидал, отчего у нее портилось настроение и отношение к мальчику становилось все более прохладным. Тогда мальчик пошел на нехороший поступок и украл для нее золотое колечко. Вытащил из шкатулки мачехи своего знакомого, когда был у него в гостях. Кольцо было простое, но приметное. Девочка стала постоянно носить это колечко, и их отношения в результате улучшились, но ненадолго. Она получила записку от анонимного поклонника, судя по всему, уже вышедшего из школьного возраста. Там было сказано, что, если ей интересно, кто это, то пусть приходит к дереву за школьным забором. Там в дупле она найдет дальнейшие указания. Несмотря на отношения с мальчиком, девочке было любопытно, кто ей пишет. Чем больше она об этом думала, тем сильнее радужные фантазии затягивали ее. Взрослый мужчина мог бы за ней и ухаживать по-взрослому, то есть дарить дорогие подарки – мечтала она. Так вот вечером она все-таки решилась и пошла к этому дереву, после чего, как водится в страшилках, ее никто больше не видел.

Ее искали, в том числе прочесывая леса в округе. Мальчик тоже искал. Дольше всех искал. Прошло три недели, как она пропала. В тот день мальчик снова пошел искать ее в лес, хотя было уже три часа дня, и он знал, что это опасно. Возле озера мальчик обнаружил незнакомую девушку. Она сидела на берегу, смотря на свое отражение в воде и горько плакала. Он подошел ближе и увидел, что ее лицо изуродовано. К носу пришит сбоку лоскут, во лбу воспаленная шишка с веком и ресницами, а сбоку на месте участка кожи со сбритыми волосами пришито чужое ухо. Из спины из-под платья торчала третья сухая рука. Но не это само по себе шокировало мальчика, который такие уродства уже имел несчастье видеть раньше. На чужой руке, уложенной на плечо девушки, сияло под солнцем золотое кольцо. Приметное и знакомое.

Я откладываю тетрадку в сторону с дичайшей мыслью, что все может быть правдой! Хотя одновременно какая-то часть меня будто смотрит на меня же со стороны и презрительно покает языком. В такое поверит только полнейшая идиотка! И переживаемое мною горе не оправдание для легковерия! Но я же видела, мне не показалось – возражаю самой себе. Как с этим-то быть? Я смотрела прямо на старушку, она была совсем близко, я разглядела даже ресницы на ее дополнительном глазе!

Снова и снова перелистываю страницы тетради, вчитываюсь в текст, как будто в нем может быть еще не замеченная подсказка. Ну а что если сами монстры существуют, а события из истории вымысел? Что тогда? Готова ли я смириться с существованием чудовищ, если они не убивают и не пожирают людей? Так легче? Достав из кармана телефон, я долго роюсь в интернете в надежде найти там информацию о людях, когда-либо пропадавших в Долгом. Но кроме той рыжей девушки, чья фотография висит на стенде у магазина, не нахожу ничего, что

впрочем не значит, что люди здесь не исчезают бесследно. Наконец, я натываюсь на какую-то базу данных, в которой мне удастся отыскать строчку про Долгое. Пропала семнадцатилетняя Марина Костюк. Давно. Получается, целых двадцать три года назад. Может быть, тут речь как раз о старшей сестре Леонида? Я не знаю его фамилии, но он говорил, что его сестре было семнадцать, когда она покинула их дом и перестала выходить на связь. Хотя их семья, может быть, вообще не из нашего поселка, и я зря о них вспомнила.

То есть доказательств тому, что история в тетрадке не чистый вымысел, попросту нет. Это меня достаточно успокаивает, чтобы на некоторое время забыть обо всем. То есть я просто вынуждена перестать думать о монстрах, иначе почва из рациональности и благоразумия уйдет из-под моих ног и мне останется только падать сквозь свою разваливающуюся реальность. Но на всякий случай я не выхожу больше из дома с трех до пяти часов дня. Тем более что Леонид предупреждал меня о пропажах в послеобеденное время животных. Их что, похищают ракутаги? И на людей они, получается, тоже пытаются охотиться?! Так, что некоторые даже замечают за собой слежку Нет, не думать! Нужно прекратить думать об этом!

Конечно, так не бывает, чтобы можно было запросто пришить чужие органы, и они бы не отторглись. Правильно? Ну и о чем я вообще думаю? У этих ракутаги, что, какие-то особые в этом плане организмы? Да и собственный хирург у них должен быть. Даже в платной клинике такого кошмара не сделают.

И всё-таки есть кое-что, что никак не дает мне покоя! Это срок в три недели, указанный в тетрадке. Двадцать один день. Это число множество раз нарисовано на ее страницах. Какое-то священное число для ракутаги? Три недели прошло с момента пропажи девочки из истории до того, как мальчик увидел ее руку с кольцом. Три недели прошло с момента пропажи рыжей девушки, чья фотография была вывешена на стенде у магазина, до того, как я заметила закопанную яму в саду у соседа.

Глава 5. Фантом.

История с монстрами заставляет меня по-другому взглянуть на обереги внутри моего дома и беседки. Обшарив все вокруг, я обнаруживаю еще и приклеенные листы с все теми же знаками над каждым окном. Должно быть, из-за загораживающего их тюля я ничего не замечала, но теперь, когда я знаю про них, глаза все время натываются на эти изображения, они словно горят, хотя и нарисованы черным фломастером.

Кто-то боялся ракутаги и прятался от них в моем доме? Звучит бредово.

Скорей всего, детская страшилка просто наложилась на мою надломленную психику и в результате я увидела кошмар на яву. Мне все привиделось. И только мне. Не может быть такого, чтобы еще кто-то во все это поверил. А у берегов какая-то своя простая история, которую пришла пора выяснить. Так что я звоню Борису Семеновичу, у которого шесть лет назад купила этот дом. Пусть скажет, были ли уже эти обереги при нем или нет. А то что это я пытаюсь докапываться до своей памяти, когда решение может быть настолько простым?

Дозвониться мне удастся далеко не сразу. Несколько раз проверяю номер, записанный у меня в блокноте вместе со всей остальной информацией, касающейся покупки дома с участком. Вроде все верно, а трубку никто не берет. Через час звоню снова, и вот уже когда собираюсь сбросить звонок после множества бесполезных гудков, мне отвечает надтреснутый голос Бориса Семеновича. Переживая, что у него что-то случилось, а я тут звоню с дурацкими вопросами, я здороваюсь и представляюсь.

— Помню, да, — говорит мужчина уже более-менее нормальным тоном. — Чем я могу вам помочь?

— Дело в том, что я обнаружила над дверью в доме, а также в беседке во дворе вырезанные знаки-обереги от нечистой силы и тому подобного. Хотелось бы просто понять, когда они были сделаны? Вы их не помните?

— Не-ет, — проговаривает Борис Семенович с уверенностью. — Точно вам могу сказать, что при мне ничего подобного не было. Ни в доме, ни в беседке. Я все отдраил-отскоблил перед продажей и заметил бы. А что, прямо внутри дома эти знаки вырезали или все-таки снаружи? — проявляет он участие.

— Внутри, в сенях над дверью в жилые помещения, — уточняю я. — И я все время держу входную дверь запертой, поэтому мне как-то некомфортно после того, как я их увидела.

— То есть кто-то побывал в доме, когда вас не было, — констатирует Борис Семенович, задумчиво. — Причем у него может быть ключ.

— Получается так. Ладно, спасибо, — пытаюсь закруглиться я.

— Кстати, я вроде видел нечто подобное – всякие непонятные знаки, вырезанные на деревьях – только не у себя дома, а в лесу! – удается вовремя вспомнить бывшему хозяину.

— В лесу рядом с поселком? – уточняю я.

— Так точно! Давно, конечно, это было. Когда я ягоды возле местного болота собирать ходил, прямо на березе была какая-то ерунда вырезана. Не уверен, конечно, что это был какой-то оберег, но точно что-то такое типа оккультное, магия какая-то, вуду или чего там еще нынче есть. Не инициалы и не слово из трех букв, понимаете?

— Да-да, — воодушевленно говорю я, сжимая вспотевшей рукой смартфон. — А по конкретнее сказать не можете, где это было?

— Группа деревьев у края болота, березы, кажется. Если по тропинке идти, по которой все туда за ягодами ходят, то от нее налево.

— Ясно, спасибо огромное!

— Но вы же не собираетесь туда одна идти? – волнуется мужчина. — Раз такие дела, надо быть осторожнее!

— Нет-нет, с мужем вместе разберемся, — безбожно вру я, не желая грузить постороннего человека своими проблемами. То есть в некоторой степени и так уже нагрестила. Но пусть хоть про мою утрату не знает.

Надеваю резиновые сапоги на толстые шерстяные носки, беру сумку, из которой Вишне было бы удобно обозревать окрестности, и мы уходим бродить. Ах да, уже на выходе из дома хватаю еще и палку, стоящую в сенях – мое единственное оружие и заодно то, что напоминает мне о Тошике. Все было бы проще, будь мой муж все еще со мной. Я не побоялась бы рассказать ему обо всем, а он спокойно бы выслушал и составил разумный план действий. Он не считал бы меня сумасшедшей, он расставил бы все по своим местам.

Думая о муже, выхожу за калитку. Вишня сразу бежит в нужную сторону, а я за ней, и мы быстро добираемся до одноэтажного домика, не понятно даже жилого или нет, за которым сразу начинается лес. Болото находится примерно в километрах четырех от нас, не так уж чтоб очень близко. Накрапывает дождик, но ветер слабый и идти достаточно комфортно. Дорогу помню хорошо, хотя мы с Тошиком ходили гулять к болоту всего дважды и то в один из этих разов до конца не дошли.

Мне приходится посадить Вишню в сумку только однажды, когда нужно перейти вброд небольшую речушку. Раньше здесь был мостик из камней и доски, но теперь он требует ремонта. В остальное время собачка храбро бежит впереди меня, иногда оглядываясь, но как будто знает, куда именно я хочу сегодня попасть.

Тропинка ведет нас практически до самого болота, иногда раздваиваясь, словно желая дать шанс выбрать иную цель. В самую трясиину я, естественно, не лезу, меня интересуют окаймляющие ее деревья, но Вишню на всякий случай снова сажаю в сумку.

Земля под ногами мягкая и клюквы видимо-невидимо. Эти сочные красные ягодки на фоне зеленой подстилки кажутся жутко привлекательными, несмотря даже на нервозность, из-за которой трясутся руки. Я осторожно прощупываю палкой место, куда собираюсь поставить ногу, а потом, утвердившись, опускаюсь на колени и направляю камеру смартфона на особо живописную россыпь пунцовых шариков.

В стороне кто-то в согбенных позах собирает ягоду, и я обхожу этих людей в приметных малиновой и голубой толстовках по широкой дуге, направляясь к следующей группе деревьев. Умиротворяющая сцена придает мне немного энтузиазма. Уже не так страшно, раз я тут не одна. Однако осмотрев торчащие под разными углами стволы, оборачиваюсь и никого больше не вижу. Вот это уже нехорошо. Не спрятались же эти двое от меня специально?

Теперь болото наводит жуть. Кроме того, я не совсем понимаю, где та тропинка, по которой мы сюда пришли. Ужаснувшись, что уже умудрилась заблудиться, перехватываю сумку с Вишней и пытаюсь вернуться назад, где бы оно ни было. Иду, тревожно оглядываясь вокруг, пока не вижу голубое пятно чужой толстовки. Так, значит, все нормально – перевожу я дух. Но так мне не найти того места со знаками. Придется действовать смелее.

— Вишня, запоминай, где мы идем, — прошу я и снова бреду в сторону. Вязкая проплешина болота от меня сейчас справа и далеко от нее не нужно отходить. Борис Семенович же сказал, что нужное место где-то совсем рядом с его, болота, краем. Впрочем, край – здесь понятие несколько размытое.

Еще поплутав между деревьев минут двадцать, нахожу кусочек леса, вдающийся в топь. Растеряв половину осторожности, с которой я сюда пришла, иду напрямик туда, чуть не прошившись с правым сапогом на подходе, и с большим облегчением нахожу на одном из худеньких стволов вырезанный знак – все тот же знак, что и у меня в доме. Значит, я на том самом месте, о котором говорил бывший хозяин моего участка. Больше не надо бродить и сомневаться.

Сначала я тщательно осматриваю землю под деревом в поисках хоть какого-то намека, для чего именно здесь был вырезан этот оберег. Потом увеличиваю радиус. Такие же знаки оказываются вырезаны и на других деревьях. И все они в итоге образуют круг, внутри которого обнаруживаю кострище.

Не знаю, как давно здесь разводили огонь в последний раз. Возможно даже, что это делали простые отдыхающие, а не загадочные люди, завязанные на магию или язычество. Однако больше тут смотреть все равно не на что. Чтобы порыться в кострище, я ставлю сумку на землю, и Вишня тут же выпрыгивает из нее. Она копается в золе и головёшках гораздо проворней меня, первой находя кусочек кости. Кажется, реберной.

Я не знаю, чьё это ребро, но мысли проносятся панические! Вдруг это человеческая кость? Все, что осталось от жертвы ритуала? Что если кого-то сожгли здесь, а большую часть останков потом бросили в болото, забыв кое-что в костре? Только почему тогда символы здесь обережные, а не из какой-нибудь черной магии? Сидя на земле, пытаюсь найти такие в интернете. Сходу мне выдают какие-то сложные системы знаков, явно далекие от того, что вырезано на дереве надо мной. Это меня немного успокаивает.

Так что это за секта, с которой я имею дело? Если это секта. Может, просто малолетки играют в ведьм, надергав из интернета символов, имеющих магическую природу? Может, кость эта, скажем, свиная? Может, все вообще шутка?

Вишня благосклонно наблюдает, как я кладу ребро в целлофановый пакет и прячу на дно ее сумки. Не знаю, на кой черт я это делаю, но вдруг пригодится. Вроде как доказательство. Только чего именно? Имеют ли ракутаги, поедающие людей и животных, отношение конкретно к этому месту? Обнаружила ли я следы их трапезы? В таком случае обереги защищают не от них? Ракутаги сами боятся кого-то?

В опустошении я сажусь на прохладную землю, прислонившись спиной к одному из деревьев, стоящих вокруг колдовского кострища. Мне ничегошеньки не дает моя находка. Разве что я теперь знаю, что человек или люди, или ракутаги, занимающиеся вырезанием этих оберегов, делают это уже давно, раз даже Борис Семенович их видел.

Некоторое время просто сижу без особых мыслей в голове, впав в какую-то прострацию, пока не замечаю вдаль растущее пятно. Что-то движется в мою сторону прямо через само болото. Соображая, как такое возможно, не двигаюсь с места. Судя по очертаниям, это человек, но он спокойно и легко идет, не особо выбирая дорогу. Идет будто посуху, проплывая над топью, словно невесом и бестелесен.

Это ракутаги! Я уверена, хотя у меня нет пока возможности разглядеть в нем тех ужасающих особенностей, которыми они сами вознаграждают себя в день совершеннолетия. Несмотря на испытываемый мною сейчас ужас от новой встречи с монстром-людоедом, я не вскакиваю с земли и не бросаюсь убежать. Он идет прямо сюда, но я ощущаю себя сторонним наблюдателем, словно чудовище я вижу в телевизоре, а не наяву. Все это может быть оттого, что между увеличивающейся фигурой и мной постепенно сгущается защитное марево.

По какой-то причине я ощущаю себя в безопасности и совсем не удивляюсь появлению облака в кольце из деревьев. Оно становится все белее и гуще, но несколько не мешает мне видеть, как ракутаги – крупный неопрятный мужчина в резиновых сапогах и камуфляжной куртке с перекошенным ртом, угадывающимся в темной щетине, с третьим навсегда закрытым глазом, прорубленным во лбу, и покоящейся на плече костлявой кистью третьей руки – подходит близко к моему убежищу. Он злобно и подозрительно смотрит в мою сторону, но так и не находит меня взглядом. Тем не менее, он останавливается и чего-то ждет.

Вишня, сидит возле моего колена, поджав одну лапку. Мне кажется, она не ощущает угрозы, просто внимательно наблюдает за чужаком, но, не зная, как развернутся события, я тихо беру ее на руки. Если что, я готова бежать, только куда? Дальше в лес, где никто не придет нам на помощь и откуда, даже избавившись от преследователя, я уже не найду обратной

дороги? Или в сторону известной мне тропинки, но для этого придется проскочить прямо мимо ракутаги, который выглядит грузным и, наверное, не особенно расторопен, но все же.

Прижимая к себя Вишенку, смотрю на утрашающее лицо ракутаги. Он водит глазами и как будто не замечает меня, но он не полностью обманут магической маскировкой. Он понимает, что что-то здесь нечисто.

Ракутаги медленно подходит ближе к облаку и все-таки делает осторожный шаг внутрь него, хотя я до последнего надеялась, что не сможет. Испуганно вскакиваю на ноги, но тут же понимаю, что мужчина все еще не видит меня. И вообще ничего не видит. Он вытягивает вперед руки и еще через несколько неуверенных шагов наступает в кострище. Раздается хруст, услышав который ракутаги опускается на корточки и начинает шарить руками вокруг себя. Я же, бросив сумку, которую вот-вот найдут его пальцы, выскальзываю из облака. Стараясь двигаться как можно тише, спешу в лес, надеясь укрыться там раньше, чем чудовище догадается, что добыча совсем рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.